

Антиколокольная кампания Советского государства во второй половине 1920-х—30-е гг. (По материалам Псковского и Новгородского округов)

Во второй половине 1920-х—30-е гг. происходит усиление борьбы Советского государства с церковной организацией. Эта тенденция особенно четко обозначилась с началом коллективизации, так как многочисленные трудности, возникавшие в ходе социалистического строительства в деревне, были отнесены на счет кулацких элементов и служителей культа.¹

Основным направлением в советской антирелигиозной политике наряду с усилением просветительской работы становится репрессивная деятельность, которая включала гонения священнослужителей и верующих, закрытие монастырей, храмов. В ходе кампании по ликвидации храмов были разрушены многие из них, уничтожены художественные произведения.

Параллельно с закрытием храмов разворачивалась кампания за снятие колоколов и запрещение колокольного звона. Е.М. Ярославский, председатель Центрального совета Союза безбожников, призывал отменить колокольный звон «как нелепый обычай, вредный и мешающий трудящимся»². Вскоре за лозунгом перешли к делу: в 1926 г. последовала инструкция о пользовании колоколами: колокольный звон не допускался, если не был связан с отправлением службы, а лишь в силу обычая. При закрытии церкви колокольная разбиралась.³ Снятие колоколов способствовала начавшаяся в 1925 г. индустриализация страны. Представитель безбожного движения В. Шишаков так обосновал в 1930 г. необходимость снимать колокола: «В стране не хватает цветных металлов, а у

церкви хранится до 333000 тыс. кг меди и других металлов».⁴ В результате кампания по снятию колоколов набирала силу. Вместе с получением металла для нужд индустриализации, Советская власть таким способом стремилась уничтожить религиозную обрядность (после снятия многие колокола бесхозно валялись на задворках храма). Так, при закрытии Снеготорского монастыря в 1925 г. было снято восемь колоколов, общим весом 470 пудов. Их перевезли в административный отдел Псковского губисполкома, где и оставили.⁵ Так же поступили с колоколами Мирожского, Ивановского и Клементовского монастырей.

В 1929 г. ВЦИК запретил звон во все колокола, что дало возможность местным властям их изымать. По распоряжению Центрального Исполнительного комитета эти изъятые колокола должны были использоваться в народном хозяйстве: для чеканки мелкой разменной монеты.⁶ Вскоре распоряжения власти стали реализовываться на практике: в 1932-33 гг. был запрещен звон во все колокола в г. Ленинграде и Ленинградской области.⁷

Чтобы ослабить сопротивление верующих, в ходе кампании безбожники развернули широкую «разъяснительную работу» среди населения. Появляется целый ряд публикаций о необходимости снять колокола, о нужде государства в металле.⁸ Однако, несмотря на подобные публикации, верующие требовали вернуть колокола. Так, в 1930 г. в селе Духново Порховского района крестьяне сопротивлялись закрытию церкви и снятию колоколов, писали жалобы на председателя сельсовета, но добиться ничего не смогли. В ходе снятия колоколов с Троицко-Благовещенского собора города Порхова

Проскурина Алла Владимировна - кандидат исторических наук, преподаватель С.-Петербургского инженерно-экономического университета (филиал в г. Пскове)

прихожане оказали сопротивление, многие были арестованы, и «двадцатка» прекратила свое существование.⁹ Несогласие крестьян со снятием колоколов приводило к тому, что участили применение жестких мер: угрозы, давления, репрессий. Так, в Псковском округе вопрос о колоколах в 1930 г. решился административно: окрисполком просто отдал приказ райисполкомам снять колокола со всех церквей и передать их предприятиям.¹⁰ Решение было реализовано в Пушкиногорском, Порховском, Себежском районах.¹¹ 6 февраля 1930 г. Новгородский окрисполком принял решение запретить колокольный звон, а колокола передать Рудметаллторгу.¹²

В результате в городе Новгороде и Новгородском районе колокольный звон был запрещен, колокола с закрытых храмов сняты. Упорное сопротивление властям в ноябре 1930 г. оказали верующие Лужского района, защищая церковь и колокольню. Многих арестовали, колокола сохранить не удалось.¹³ Директива СНК от 8 октября 1930 г. предписывала иметь в третьем квартале 1930 г. и первой половине 1931 г. по РСФСР не менее 20 тыс. тонн колокольного лома. В ходе развернувшейся повсеместно антиколокольной кампании уже в 1929-30 гг. в Рудметаллторг поступило 11 тыс. тонн лома, которые оказались неиспользованными, так как в стране не

было производственных мощностей и соответствующих технологий переработки.¹⁴ На свалках оказались тонны колокольного лома.

Кампания по снятию колоколов и запрещению колокольного звона имела массовый характер в 1929-1930 гг., а 15 сентября 1934 г. антиколокольная кампания по Ленинградской области получила свое законодательное завершение. Леноблсовет принял постановление о полном прекращении колокольного звона и снятии колоколов в городах и сельских местностях Боровичского, Валдайского, Волховского, Новгородского, Новоржевского, Порховского, Псковского, Старорусского, Гдовского, Череповецкого, Кингисеппского и др. районов. На райисполком возлагалась ответственность проследить за выполнением постановления.¹⁵ В результате, большинство оставшихся колоколов были сняты и частично переработаны, многие оказались выброшены на свалки, как произошло с колоколами церкви Дуловского сельсовета Островского района.¹⁶

Таким образом, антиколокольная кампания являлась важнейшей составной частью политики государства в отношении религии и церкви. К середине 1930-х гг. органы Советской власти добились полного исчезновения колокольного звона, колокола оказались снятыми, были уничтожены секреты колокольного литья.

Примечания

1. ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.11. Д.28. Л.5.
2. Ярославский Е.М. О религии. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С.187.
3. Русская православная церковь и коммунистическое государство: 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М.: Библейский богословский институт Святого апостола Андрея, 1996. С.248.
4. Антирелигиозник. 1930. №2. С.19.
5. ГАПО. Ф.р –590. Оп.2. Д.152. Лл.98-99.
6. Там же. Л.285.
7. ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.33. Д.205. Л.109.
8. Псковский набат. 1930. 4 января.
9. Псковский набат. 1930. 28 февраля.
10. Псковский колхозник. 1930. 11 апреля.
11. ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.14. Д.63. Л.29.
12. ГАНО. Ф.р –1244. Оп.1. Д.871. Л.73.
13. ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.18. Д.77(а). Л.89.
14. Русская православная церковь и коммунистическое государство: 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М.: Библейский богословский институт Святого апостола Андрея, 1996. С.248.
15. ЦГА СПб. Ф.7179. Оп.10. Д.655. Л.146.
16. Псковский набат. 1932. 19 января.